

ВИКТОР ВИЗГИН
НИНЕЛЬ ДУЛЬГЕРУ

ВИЗГИНЫ И ДРУГИЕ

ИСТОРИЯ
ОДНОЙ СЕМЬИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2014

УДК 93/94
ББК 63.3
В 42

Визгин В. П., Дульгеру Н. П.

В 42 Визгины и другие: История одной семьи. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 192 с., ил.

ISBN 978-5-9551-0726-4

Основанная на документальных свидетельствах и личных воспоминаниях книга посвящена истории семьи Павла Александровича Визгина (1906—1981), начальника разведки Северного флота в годы Великой отечественной войны (1940—1944).

ББК 63.3

ISBN 978-5-9551-0726-4

© Языки славянской культуры, 2014
© Визгин В. П., Дульгеру Н., 2014

Содержание

В. П. Визгин

К семейной родословной: биографические заметки	5
Прадедушка и прабабушка.....	5
Дед и бабушка	15
Мамины братья и сестры	22
Наши родители	35

Н. П. Дульгеру

Киев 1932 г. — Казань 1941 г.: воспоминания	93
--	-----------

В. П. Визгин

К семейной родословной: биографические заметки

Воспоминаниям о жизни семьи Визгиных начало было положено сестрой. Самая старшая из нас, детей, она уже более полувека живет за границей. Может быть, поэтому сестра первая обратилась к воспоминаниям о далеком прошлом, рассказав о жизни нашей семьи в Киеве, Хабаровске, Полярном и Казани в 30-е гг. прошлого века, включая начало войны (1941 г.). Текст ее воспоминаний требовал редакторской работы — сказался длительный отрыв от России и русского языка. Окончив эту работу, я почувствовал потребность рассказать о родословной и о жизни нашей семьи, используя известные мне документы и оживляя документально обоснованный рассказ краткими личными воспоминаниями. В результате возникли нижеследующие заметки. Воспоминания сестры публикуются после них.

Прадедушка и прабабушка

Наш прадед Степан Сергеевич Бирюков родился в 1869 г. Происходил он из крестьян деревни Благовской Троице-Лобановской волости Бронницкого уезда

Московской губернии. Сохранилась его паспортная книжка, выданная бессрочно волостным старшиной в 1912 г. Из нее мы узнаем, что родился он в православной семье, можно даже предположить, что крещен был в Троицкой церкви в селе Лобаново, где и была сделана соответствующая запись о его рождении, потом использованная для выдачи ему паспортной книжки. Из нее же мы узнаем, что был он грамотным, был женат, имел детей, которые (кроме старшей — Агриппины, нашей бабушки) были в нее вписаны.

Человек он был не только грамотный в элементарном анкетном смысле, но талантливый, способный, настоящий самоучка-умелец. Достаточно сказать, что, будучи простым крестьянином, он самостоятельно выучился многим механическим искусствам, освоил немецкий язык и выписывал из Германии научно-технические журналы. Был он изобретателем машин и механизмов для мукомольного дела, в котором достиг впечатляющих успехов, хотя и не кончал никаких техникумов и вузов. До всего доходил своим пытливым умом, сообразительностью и стремлением все делать самому.

Прадедущка был последователем Льва Толстого. Старинные фотографии великого писателя запомнились мне с младенческих лет. На одной из них, сделанной Чертковым, Лев Николаевич предстает в свои преклонные годы с пронзительно-острым взглядом из-под косматых бровей, с легким пушком над покатою лысиной и с огромной седой бородой. На лбу морщины — знак тревоги за судьбу человечества: найдет ли оно путь спасения, обретет ли Бога? И впечатление от этого образа искателя высшей правды на всю жизнь соединилось с послужившими для этой фото-

графии сопроводительными словами Толстого: «Человеку не нужно загадывать о том, что будет после этой жизни, а в этой жизни стараться поступать по той воле Пославшего нас, которую мы знаем в своем разуме и сердце». Понятно, что авторитет Толстого в семье матери был унаследован от ее деда.

Подростком тринадцати лет Степан Бирюков уехал из родной деревни в поисках работы в большой губернский город — Москву. Он устроился там работать и учиться, начав свой трудовой путь с подмастерья. Это было в начале царствования Александра III. Народовольцы борются с правительством. Жадный до всего нового юноша читает запрещенную революционную литературу. Охранное отделение высылает юного борца с самодержавием из второй столицы империи. И тогда он поступает рабочим на мельницу в деревне Пуношной, что под Ярославлем¹. Здесь и выучился Степан Бирюков мукомольному делу, показав себя изобретательным и энергичным работником. Женится он на красивой безграмотной крестьянке Марии Родионовне Харламовой из соседней с Благовской подмосковной деревни. Мария Родионовна была младше его на два года (родилась в 1871 г.). Агриппина (наша бабушка) родилась в 1888 г., другая дочь, Вера, — в 1890 г., в 1892 г. — Клавдия, сын Михаил родился в 1894-м, а Сергей — в 1896 г. По данным внука Степана Сергеевича, сына Клавдии Степановны, Юрия Александровича Бирюкова (родился в 1930 г.), прадеда пригласил в Печищи в 1895 г. быстро растущий в то время торговый дом «Иван Окопишников

¹ Сообщено его внуком, маминым двоюродным братом Ю. А. Бирюковым.

с сыновьями». В деревне Печищи, расположенной недалеко от Казани, на противоположном, правом, берегу Волги, Ивану Оконишникову принадлежала большая паровая крупчатная мельница (топливом для нее служил мазут), приобретшая к тому времени широкую известность из-за высокого качества производимой ею муки. В семье Бирюковых говорили, пустить новую, грандиозную по тем временам мельницу Ивану Оконишникову помогла техническая одаренность Степана Сергеевича.

Сохранился прејскурант мельницы, датированный 20 апреля 1909 г., то есть за полгода до рождения мамы. Воспроизведу его «шапку»: *Прејс-Курантъ крупчатнымъ товарамъ торгового Дома «Иванъ Оконишниковъ съ сыновьями» в Казани*. Обратную сторону прејскуранта украшают снимки различных наград, полученных Оконишниковым на выставках в России и за рубежом за отличное качество муки. Вот, например, золотая медаль Сибирско-Уральской выставки, а рядом — медали с научно-промышленной выставки 1887 г. и с парижской 1900 г. Мукомольное дело у него было поставлено действительно по последнему слову науки и техники. Иван Оконишников заботился не только о прибыли для себя и своего дела, но и о своих рабочих и служащих. Вспоминая рассказы мамы, можно поверить, что при определенных условиях и в определенных пределах классовый мир действительно возможен.

Владелец мельницы был человек передовой, умелый организатор своего дела. Он приглашал отличившихся в мукомольной профессии мастеров, работников умелых, честных и сметливых. Наш прадед стал ему известен потому, что был именно таким. И вот

сначала сам Степан Сергеевич Бирюков едет к Око-нишникову в Печищи, а потом, когда дело сладилось, вызывает к себе Марию Родионовну с детьми. Так к середине 90-х годов XIX в. вся семья прадеда укореняется в деревне Печищи. Степан Сергеевич получил у Оконишникова высшую инженерную должность — был назначен крупчатником. Рядом с высоким зданием мельницы (шестиэтажный кирпичный корпус мельницы был построен в 1895 г., как об этом свидетельствует дата, проставленная наверху на фронте, что видно на хорошо сохранившейся фотографии) стоял большой дом для ее персонала. В нем на втором этаже семье крупчатника и была предоставлена квартира. Как вспоминает его внук, Юрий Бирюков, в ее комнатах было четырнадцать окон — достаточно просторная и удобная квартира. Владелец мельницы назначил нашему прадеду немалый оклад — 100 рублей. Из них он четыре рубля платил за квартиру. Остального вполне хватало, чтобы содержать увеличивавшуюся семью. Хозяин мельницы помимо ежемесячного оклада выдавал и премиальные к праздничным дням. Постоянно семья прадеда получала в подарок от него мешок первой классной, «голубого клейма», пшеничной муки (большой мельничный мешок весил 5 пудов, то есть 80 кг). Поэтому в его семье привыкли к самым различным мучным изделиям — пирогам, ватрушкам, коржикам, плюшкам, кренделькам и калачам. Зерно, мука и хлебопродукты самого разного рода определяли не только кулинарные вкусы, но и, можно даже сказать, ведущую ось работы и жизни всей большой семьи, что затем передалось и в семью наших бабушки и дедушки, о чем нам ярко и красочно рассказывала мама — «Катя-с-мельницы». Волга с ее незабываемой

красотой, фольклором, прибаутками и хлеб во всех видах — вот характерные реалии жизни нашей матери, ее родителей и ее бабушки с бабушкой.

Степан Сергеевич Бирюков прожил довольно долгую и деятельную жизнь. Мастер на все руки, он никогда не сидел без дела. Был абсолютно непьющим и некурящим человеком. Следуя учению Толстого, не употреблял животной пищи. У него были твердые привычки, унаследованные от его крестьянских корней, и строгие правила жизни, к которым он пришел сам. Его внук и наша сестра рассказывали, как он, например, ел огурцы. Остро наточенным ножом аккуратно разрезал огурец. Посыпал поверхности мелкой солью и тщательно растирал ее рукой. Затем клал посоленные дольки на края граненого стакана и выжидал, когда соль впитается. Только после этого не спеша ел приготовленный огурец с черным хлебом. Степан Сергеевич все делал сам — в том числе умел шить одежду. Например, своей Марии Родионовне шил платья и жакеты.

«Я ее помню, — пишет о нашей прабабушке сестра, — в темно-синем выгоревшем байковом платье, в белом платочке, очень живую (в молодости была красивой). А прадед — степенный, рассудительный. В его комнате за столом я иногда обедала. Чистенький стол, окошко на Волгу» (письмо от 2.11.1992). Видимо, это байковое платье было сшито для Марии Родионовны нашим прадедом. Он сам по всем правилам сделал себе лодку и постоянно, когда у него было свободное время, рыбачил на Волге. Ведь семья жила у самого берега. И накат волжской волны от проходивших мимо барж и пароходов отпечатался в душах детей с младенческих лет.

Конечно, прадед шил себе сам и обувь, тачал сапоги, не говоря уже об одежде. Был он человеком сдержанным, во всем знавшим меру и такт, доброжелательным и мудрым. Одним словом, в нем жило могучее, трудовое, крестьянское начало, но очищенное от его пагубных сторон — от табака и водки. На пенсию он вышел в 1933 г., и тогда же ему пришлось съехать с казенной квартиры. Семья переселилась в другой дом, стоящий выше над Волгой. Во время войны в этом доме жили в эвакуации и мы. Умер Степан Сергеевич Бирюков как раз тогда, видимо заразившись дизентерией (в июле 1943 г.). Прабабушка, совсем не на много его пережившая, даже будто бы почему-то не пошла на его похороны. Рассказывают, что Мария Родионовна решила на поминках мужа «хоть раз наесться досыта». В результате переела и умерла через два-три дня после смерти прадедушки. Была она женщиной с сильным, смелым и решительным характером. Однажды когда она переезжала в Печищи из-под Ярославля с маленькими детьми, то привязала их полотенцами, чтобы не потерять в дороге. В молодости, да и потом, у Марии Родионовны были густые кудрявые волосы и сильный голос. Она хорошо пела русские народные песни и романсы. С фотографии, сделанной перед Первой мировой войной, видно, какая это была сильная и гордая женщина.

В семье Степана Сергеевича Бирюкова было пятеро детей. Вера, которую я хорошо помню потому, что она часто приезжала к нам в Москву, работала научным сотрудником в сельскохозяйственном научно-исследовательском институте в Немчиновке (НИИ-СельХоз), недалеко от нас (мы жили тогда на Можайке). Там же, в Немчиновке, она и жила. Вера Степановна

окончила Петровскую сельскохозяйственную академию и занималась почвоведением и разработкой химических методов борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур. После окончания Петровской академии она преподавала почвоведение в сельхозтехникуме в Рыбинске. Высокого роста, худая, необыкновенно энергичная и деловая, она обрушивала на нас свой пафос опытного агронома-исследователя, работающего на передовом фланге науки. Будучи уже далеко не молодой, после 60 лет, она успешно защитила диссертацию по своей теме. Всегда подвижная, говорливая, загорелая, потому что много времени проводила в поле, она осталась в памяти подвижницей научной агрономии.

Внук Степана Сергеевича рассказывает, что Вере, когда она после окончания гимназии захотела учиться дальше, ее отец отказался дать для этого средства: «Зачем девке учиться — все равно ведь замуж пойдет!» Видимо, здесь проявилась не только его бережливость, но и личный опыт жизни с безграмотной супругой. Кроме того, в свое время он дал деньги на учение старшей дочери, Агриппине, а она, окончив частную гимназию в Казани, тут же вышла замуж, и ее обучение, как он считал, не пригодилось ей в жизни. Поэтому путь Веры Степановны к науке был долгим и извилистым. В результате она приобрела огромный практический опыт. Будучи студенткой Петровской академии, Вера работала в Полтавской губернии, где измеряла земельные наделы. Однажды, было это во время германской войны, местные бабы приняли ее за австрийскую шпионку. Проезжавший мимо на велосипеде мужик убедительно разуверил подозрительных баб: «Какая же она австриячка! Она же настоящая русская, а вот вы — хохлы!» Работала тетя Вера и на Урале, в Башкирии,

рассылая книги почтой. Во время страшного голода в начале 20-х гг. в Поволжье Вера Степановна вместе с сестрой Клавдией Степановной организовала коммуну в Шишланове (под Тутаевом в Ярославской губернии). Они взяли с собой и нашу маму с братом Сергеем. Жизнь на приволье на Верхней Волге, где не было такой смертоносной засухи, как в Среднем и Нижнем Поволжье, спасла их. Здесь они держали коров, лошадей, поросят и овец, обрабатывали землю, разводили домашнюю птицу. Овцы, как рассказывала мама, были романовской породы — с длинной шерстью. Но главным было молочное животноводство. Отличной породы коровы давали прекрасное молоко, из которого домашним образом, вручную, изготавливали замечательные молочные продукты — сметану, масло и т. п. Мне запомнились поэтические рассказы мамы о вольной и трудовой одновременно жизни под Тутаевом. Помню, она говорила, что у молодой тогда тети Веры муж был белым офицером, скрывавшимся от красных. Я сейчас уже подзабыл детали, но семейная жизнь Веры Степановны, как, впрочем, и ее сестры Клавдии, не сложилась. У Веры были две дочери, которые жили в Курске, — Ирина и Лена (Елена Назаренко). Вот и все, что я помню о ее семейной жизни. Умерла Вера Степановна в 1980 г. в возрасте 90 лет.

Клавдия Степановна была младше Веры на два года (родилась 7 января 1892 г.). Училась в вечерней гимназии в Москве в то же самое время, когда здесь в техникуме учился ее брат Михаил, помогать которому и послал ее наш прадед. Личная жизнь, как и ее сестры Веры, у нее также не сложилась. В 1930 г. в Москве у нее родился сын Юрий, которого она воспитывала одна, что в те годы особенно было нелегко. Потом

вернулась в родные волжские места, училась в Казани и в соседнем Услоне, а потом устроилась на работу лаборанткой на печининской мельнице. В годы эвакуации мы жили вместе с нею. Потом тетя Клава не раз приезжала к нам в Москву, где с семьей жил ее сын. Говорила она с оканьем и характерной волжской акцентировкой некоторых конечных согласных. Замечательная, сильная женщина! Был у нее острый народный ум, выносливость необыкновенная, сила духа. Прожила долгую жизнь. Последние годы жила у сына в Москве, где и умерла в 1983 г. в возрасте 91 года.

Михаил Степанович родился в 1894 г. Учился в техникуме в Москве. В годы войны дослужился до прапорщика и в 1916 г. пропал без вести на фронте. Денщик привез домой в Печищи его личные вещи.

Самый младший сын Степана Сергеевича Бирюкова — Сергей (родился в 1896 г.). Как и его отец, он был толстовцем, получил экономическое образование. Неудачно женился. Была у него дочь Наташа. Запомнился в нашей семье мамин дядя тем, что писал стихи и переводил с татарского языка. Приведу сведения о нем, сообщенные мне тетей Клавой (ее в нашей семье звали Кавой): «Ты спрашиваешь о дяде Сереже, его стихах. Свои стихи он писал в молодости, мне помнится, что они были полны пессимизма декадентского оттенка. Вспоминается такое:

*Я чувствую: будет упущено многое.
Настали осенние дни с полутьмой,
И веют и веют в жилище убогое
Холодные ветры холодной зимой.
Есть в городе башня — громадное здание,
И много ступеней, и поднятый шпиз...
Прочти — там написан закон мироздания, —
Склонясь в глубину сокровенных страниц...*